

* * *

В старых папкиных ботинках
сорок пятого размера
без шнурков
в ливень я бреду по лужам,
а вода всё прибывает.

Сон таков.

Вышел по воде на взгорок,
чувствую — потоком сносит
под обрыв.

Как могу сопротивляюсь,
но к откосу продвигаюсь,
едва жив.

И сквозь марево и ливень
на мосточеке нешироком
блазнят мне
вечно ждущие кого-то
(такова у них забота)
Бог на ослике,
Смерть — на коне.

ЗИМА

Седая ночь стоит как старость,
как старость
с болью нутряной.
А сосны тёмными остались —
средь них берёзы сединой.

Они ещё помолодеют,
окрасят космы
по весне.
И солнце летнее зардеет,
ещё надеюсь, на блесне.

Вот клюнет,
потяну щурёнка,
и затрепещет он в волне...
Но не родить уже ребёнка
моей стареющей жене.

* * *

Абрикоса душа — дудук.
Ивы-плаксы душа — свирель.
Одинокий негромкий звук
о печали моей и твоей.

Помоги свирели, скрипач,
одинокой не будет пусты.
Плачь, дудук, душу рви и плачь
про людскую вселенскую грусть.

* * *

Мне как-то друг сказал,
тому назад лет пять:
— Я сосны не люблю,
под ними мне лежать.
Три месяца лежит
на пустоши лесной.
И нет пока сосны
с ним рядом ни одной.

* * *

Закат,
и окна золотые
во всех домах,
по всей России.
А мы такие молодые,
длинноволосые, худые.
И я длинноволосый тоже,
и сколько проживу,
Бог знает.
Вот ящерка сидит на коже,
пригрелась и не убегает.